

к этой последней датировке. По материалам, добытым в 1938 г., мы сочли возможным датировать Волчий Грот первой половиной мустьерского времени. Однако значительно более полные и разнообразные материалы, добытые последними раскопками, могут еще сдвинуть эту дату несколько вверх, но в пределах мустьерского времени. Культурные отложения в жилище за каменистым валом удастся подразделить на три горизонта. Нижние мустьерские горизонты дали богатый кремневый инвентарь, дающий возможность его сопоставления и увязки с прочими мустьерскими стоянками Крыма. Верхний горизонт мустье совпадает с наиболее интенсивным скоплением крупных костей и дал пока лишь единичные находки из кремня. Эти находки указывают на приобретение новых навыков в раскалывании кремня, ведущих к верхнему палеолиту, и дают основания для отнесения верхнего горизонта к позднему мустьерскому времени.

При продолжении работ необходимо комплексное изучение ряда неразработанных вопросов, в которые упирается археолог, изучающий пещерные стоянки.

О. Бадер.

Коллективное жилище в Прикамье

В бассейне Камы, области легендарных аргиппеев Геродота, начиная с середины прошлого столетия целым рядом исследователей производились археологические работы, в результате которых были изучены группы древних поселений, могильников и жертвенных мест.

Одной из интереснейших является большая группа укрепленных поселений — городищ, — относящихся к эпохе раннего железа, которая в пределах расселения скифов носит название скифской, а в бассейне Камы — Ананьинской, по имени известного Ананьинского могильника, открытого в 50-х годах прошлого века. Неукрепленных поселений, относящихся к этому времени, известно еще чрезвычайно мало, и те почти не опубликованы.

Несмотря на сравнительно большое количество исследованных городищ Ананьинской эпохи, до самого последнего времени во всем бассейне Камы не были известны жилища древнего населения, за исключением небольших землянок, вскрытых Ф. Д. Нефедовым во время раскопок Котловского могильника, которые, по целому ряду данных, представляются более поздними.

Основной причиной такого отсутствия сведений о жилищах древних обитателей городищ и селищ Прикамья является прежде всего то, что большинство раскопок дореволюционного времени носило рекогносцировочный характер: вскрывались небольшие участки на площадках древних поселений, раскапывались наиболее богатые находками склоны городищ.

Отсутствие жилищ на площадках укрепленных поселений породило различные предположения исследователей: по мнению одних, площадки городищ являлись жертвенными местами, по мнению других, — население городищ было полукочевым и постоянных жилищ не имело.

Тем более исключительный интерес приобретает недавно вскрытое коллективное жилище на Концгорском селище, расположенном на правом берегу реки Чусовой в 5 километрах от впадения ее в Каму. Древнее поселение было обитаемо в IV—III вв. до н. э. Раскопки селища были произведены Камской экспедицией ГАИМК под руководством автора этих строк в 1935—1937 гг.

Жилище имело вид длинной и узкой неглубокой впадины, вытянутой с севера на юг и заполненной слоем с культурными остатками. Общая длина всей жилищной впадины, вскрытой в течение трех лет раскопок, — около 42 м, ширина — от 4 до 6 м и глубина в среднем — около 80 см от современной поверхности почвы. Указанную ширину жилищная впадина имела на глубине 40 см, когда, после удаления слоя с культурными остатками с целого ряда участков, нижняя часть жилища ярко выделялась черной полосой на подстилающем серо-желтом песке. Верхние границы впадины в перепаханном

и перекопанном культурном слое почти не удалось проследить. Кое-где, в редких случаях, они были заметны на глубине 30 см, и тогда впадина представлялась несколько шире. Дно жилища имело ладьевидную форму и в самой нижней части состояло из черного углистого слоя, ясно выраженного во всех поперечных разрезах. На дне жилищной впадины было обнаружено 9 очагов. Южный конец жилища, выходивший к Чусовой, был разрушен весенними размывами берега реки, северный заканчивался узким выходом на склон мыса к большому оврагу, ограничивающему селище с северо-востока.

Очертания темной впадины на фоне подстилающего песка обычно были хорошо видны. Но в некоторых случаях проследить их на глубине 40 см было довольно трудно.

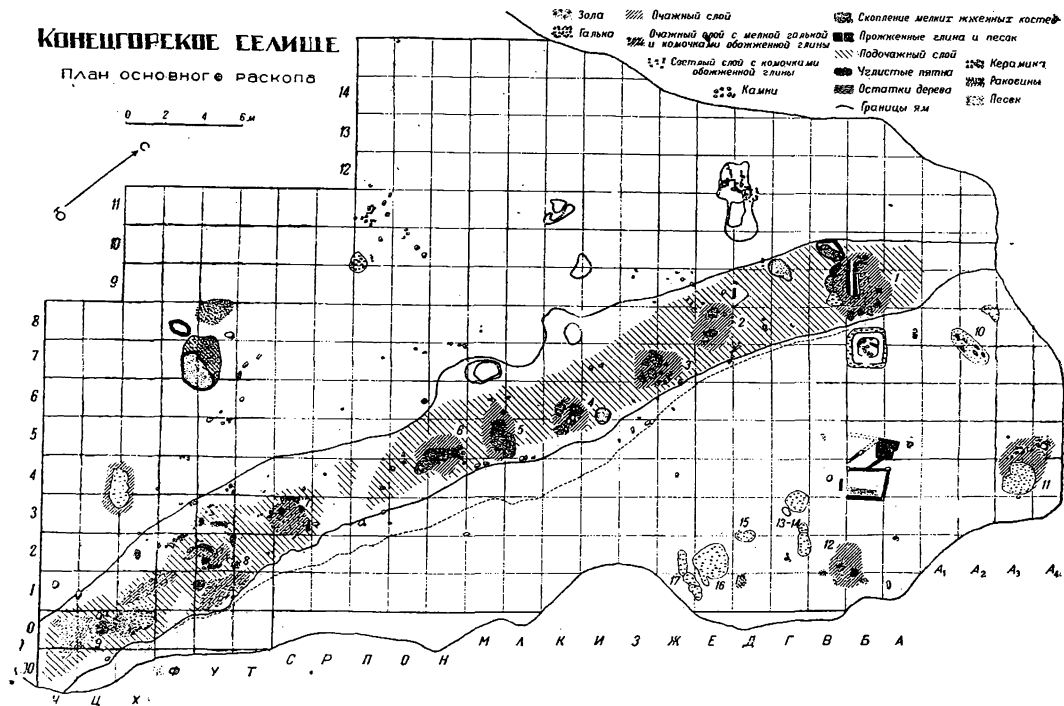

Рис. 1. План жилищной впадины на глубине около 40 см.

В южной части впадина имела крутое понижение с юго-востока (резкое понижение слоя с культурными остатками хорошо прослеживалось в стенках участков) и неясные границы с запада, где она постепенно сливалась с культурным слоем обычной толщины. В средней части, напротив, западная граница темной полосы была видна очень четко, тогда как восточная граница местами прослеживалась не совсем ясно. Ниже 40 см границы впадины становились четкими, но так как дно жилища постепенно суживалось, очертания его удалялись от действительных очертаний краев. В северной части жилищная впадина сузилась. Ширина ее здесь—около 4 м, тогда как в южной и средней части—около 6 м. Возможно, что здесь были зафиксированы очертания границ впадины на глубине несколько большей, чем 40 см, так как поверхность конца мыса была более глубоко перерыта, чем остальная площадь селища. Кроме того, на месте запустевшего огорода чрезвычайно трудно было точно промерить глубину среди высоких гряд и глубоких борозд между ними.

Интересна еще следующая деталь: у границы темной впадины, заходя немного внутрь или наружу их (чаще—последнее), встречались крупные камни, начиная с глубины 25 см и до 40—50 см. Во время раскопок казалось, что оставленные на месте камни, расположенные через неправильные интервалы, иногда как бы обрамляли черную полосу впадины. Возможно, что эти камни просто были выброшены к краям жилища, но,

может быть, они имели какое-нибудь конструктивное значение для устройства стен. Ряд камней на восточной границе средней части впадины (раск. 1935 г.) создавал впечатление, что он связан с устройством жилища. К сожалению, на западной границе той же части впадины такого явления не наблюдалось, хотя эта граница была более резко выражена.

На дне впадины в течение трех лет раскопок было вскрыто 9 очагов различной величины, формы и устройства. Большая часть очагов имела неправильные очертания и состояла из углистого слоя с обожженной мелкой галькой и комочками спекшейся глины. Вокруг них были разбросаны углистые и зольные пятна, кухонные отбросы, обломки глиняной посуды и небольшое количество каменных, костяных, глиняных и металлических предметов. Наиболее интересными являются два очага—№ 1 и № 4. Первый из них, наиболее близкий к выходу из жилища, был расположен посредине жилищной впадины и имел округлую форму. Длина его—около 1,5 м, ширина—около 1 м, он лежал на глубине 40—70 см и состоял из слоя обожженной мелкой гальки, которая на поверхности очага имела яркочерный цвет и примесь угля. Посреди очага наблюдались две полосы: одна—светлая, состоявшая из слоя как бы разложившегося известняка с мелкими комочками обожженной глины, другая—яркооранжевого цвета из обожженного песка и глины.

С южной стороны очага находились небольшой пласт обожженной сверху глины, зола и довольно толстый слой угля. С западной и восточной стороны были расположены две небольшие группы некрупных, в одном случае обожженных камней; с севера наблюдались скопления обломков глиняной посуды, мелких костей птиц и обломков створок раковин *Unio*. Вокруг очага в углистом слое было найдено, кроме большого количества костей животных и обломков глиняной посуды, 7 костяных наконечников стрел, 2 костяные поделки, костяное шило и костяной гарпун.

Очаг № 4 был сложен из камней. Во время раскопок участка К/5—6 на глубине 25—50 см было обнаружено большое скопление камней, имевшее неправильно-округлую форму. Между более крупными камнями лежали более мелкие, и все они представляли собой очень компактную массу, которая, повидимому, не была потревожена при распашке, так как возле не было найдено отдельных разбросанных камней. Вокруг очага, на глубине 50—60 см наблюдались зольные и углистые пятна и мелкие жженные косточки. Интересно также то обстоятельство, что под камнями очага, на глубине 60—100 см, лежал культурный слой, в котором были найдены обломки глиняной посуды, кости животных и кремневые отщепы. Очевидно, очаг был сложен не на подстилающем слое, как все остальные очаги, но на слое с культурными остатками и, следовательно, является самым поздним из очагов в пределах жилищной впадины. Вокруг этого очага культурный слой был очень темен, насыщен угольками и мелкими жжеными косточками. Здесь было особенно много находок. Находки шли до глубины около 1 м, но главная масса их была сосредоточена на глубине от 70 до 90 см. Кроме большого количества костей животных и обломков глиняной посуды, вокруг очага лежали: железный крючок, железный нож, 2 костяных наконечника стрел, часть костяного орудия, точильный камень, обломок точильного камня.

Все 9 очагов, лежавшие в пределах впадины, были окружены кухонными отбросами: костями домашних и диких животных, отчасти расколотыми и обожженными, скоплениями мелких косточек птиц, чешуи и костей рыб, обломками створок речных раковин, обломками раздавленной глиняной посуды. Все это, несомненно, свидетельствует о том, что все они служили для приготовления пищи. Скопления мелкой обожженной, часто растрескавшейся от огня, гальки доказывают, что она или употреблялась для нагревания воды в сосудах или, может быть, мелкая галька служила для круглодонных глиняных сосудов, употреблявшихся обитателями древнего поселения, более удобной и устойчивой опорой, чем крупные камни или сыпучий песок.

Кухонные отбросы, найденные вокруг очагов и состоявшие из костей диких и домашних животных, рыб, птиц и створок раковин речных моллюсков (которые, повидимому также употреблялись в пищу), а кроме того, каменные зернотерки и песты, лежавшие у очагов и служившие для растирания зерна,—все это свидетельствует о комплексном

хозяйстве древнего населения Конецгорского селища, в котором имели место и земледелие, и скотоводство, и охота на дикого зверя, и рыболовство, и собирательство. Кроме того, в пределах жилища были вскрыты 4 ямы, где хранились запасы пищи, песок и глина.

Анализ комплекса явлений, связанных с раскопками жилищной впадины,—очагов, ям, однородность заполнения самой впадины, наличие узкого выхода и, наконец, количество и состав остатков материальной культуры, найденных в ее пределах,—приводят к выводу, что здесь мы имеем дело с остатками большого, вытянутого с севера на юг жилища полунадземного типа. Пол жилища углублялся в землю, примерно на 70—80 см ниже современной поверхности почвы. Лишь в одном месте, возле очага, сложенного из камней, глубина впадины достигала 1 м 20 см. Верхняя часть жилищной впадины была распахана, и есть некоторые данные предполагать, что кверху она незначительно расширялась. Углубление для жилища было вырыто в песке, подстилающем слой с культурными остатками, почти нигде не достигая лежащей ниже глины. В нескольких случаях наблюдался выкид из жилищной впадины в виде прослоек светлого песка, который кое-где по сторонам жилища подстилал культурный слой и выделялся более светлой окраской. Песок, лежавший под полом жилища, под влиянием воздействия огня и других причин, связанных с жизнью людей, изменил свой цвет и структуру и превратился в коричнево-серый слой, под очагами окрашенный в бурый цвет. Вопрос о том, имелись ли в большом жилище внутренние перегородки, или оно существовало как таковое, целиком, и каковы были стены и покрытия жилища,—пока остается открытым. Несмотря на тщательные поиски следов столбов от покрытия и стен, они обнаружены не были, и все соображения, какие могут быть высказаны по этому вопросу, останутся пока, до исследования других жилищ такого типа, в области более или менее вероятных предположений. Можно думать, что крыша жилища была двускатной и состояла из деревянных жердей, опиравшихся на землю (покрытие такого рода можно до сих пор наблюдать над стогами сена или лесоматериалами в окрестностях дер. Конецгор) и прикрытых корою или дерном. Намек на устройство стен мы имеем в виде нескольких небольших кусочков обожженной глины с отпечатками стеблей травянистых растений, найденных во время раскопок жилищ.

Большое коллективное жилище, открытое во время раскопок Конецгорского селища, является пока единственным на территории Прикамья и прилегающих к нему районов.

В течение 1934—1936 гг. проф. Костржевским были исследованы замечательные остатки торфяного поселения, относящегося к так наз. Лужицкой культуре, принадлежащей к эпохе раннего железа и датируемой исследователями VII—IV вв. до н. э.

Вскрытая раскопками северная часть поселения представляет собой 8 параллельных рядов длинных домов, идущих в направлении с востока на запад и выходящих концами на окружную улицу, которая идет кругом всего поселения, вдоль вала.

Возможно, что коллективное жилище, раскопанное на Конецгорском селище, так же разделялось внутренними перегородками, как длинные дома поселений на Бискупинском озере. Если считать очаг необходимой принадлежностью каждой отдельной ячейки общего дома, то таких ячеек в Конецгорском жилище было не меньше девяти.

«Лужицкая» культура, распространенная в пределах Польши и отчасти Германии, относится к VII—IV вв. до н. э. и, следовательно, синхронична Ананьинской, хотя и имеет немного общих с последней предметов материальной культуры. Обитатели поселения на Бискупинском озере занимались земледелием и скотоводством, охотой и рыболовством, т. е. вели такое же хозяйство, как и древнее население Конецгорского селища.

Коллективные дома и поселения являются одной из характерных особенностей родового строя. В общинных делах туземцев Северной Америки, так же как в длинных домах поселений на Бискупинском озере и в коллективном жилище Конецгорского селища, столь удаленных друг от друга территориально, обитали родовые группы,

и в первых из них обитал материнский род со счетом родства по матери. Не исключена возможность, что и в других случаях мы имеем дело с материнским родом, хотя на основании целого ряда данных можно думать, что в Ананьинскую эпоху в Прикамье уже существовал отцовский род.

В современной этнографической литературе народов Прикамья имеется описание чрезвычайно интересных пережитков в недавнем прошлом коллективных жилищ удмуртов, которые имели аналогии у народов Поволжья и некоторых других¹.

В каждом удмуртском хозяйстве, кроме зимнего жилища, которое является, повидимому, самым поздним явлением в истории развития удмуртского жилища, существует второй тип надворной постройки—летнее жилище—кенос, который встречается в каждом дворе без исключения, реже в единственном числе, чаще в количестве двух, трех, а иногда удмуртский двор имеет пять и более кеносов.

По внешнему виду кеносы разделяются на одноэтажные и двухэтажные. Последние, в свою очередь, делятся на ординарные, двойные и длинные.

Кеносы всех типов представляют собой строения, находящиеся высоко над землей (или во втором этаже, или поднятые на сваях), длинные и узкие, с открытой галереей перед ним. С галереи в каждый кенос ведет дверь, через которую проникает свет. Кроме того, в кеносе имеются одно или два небольших волоковых окошечка.

В описанной постройке каждая отдельная семья, входящая в состав домохозяйства, имеет свое отдельное помещение. Если же в семье имеется несколько супружеских пар, а кенос только один, то в каждом углу кеноса помещается отдельная кровать или нары с пологом, а перед ними—сундук с одеждой. Иногда общий кенос разделяется перегородками на части, занятые отдельными супружескими парами. Чаще каждая пара имеет отдельный кенос с выходом на общую галерею и под общей крышей. Длинный кенос состоит из нескольких отдельных кеносов, полностью аналогичных ординарным. Они соединяются друг с другом закрытыми промежуточными помещениями.

В большинстве дворов имеется по несколько кеносов. Количество их зависит обычно от числа женатых сыновей. Отец семьи, как только у него подрастает сын и нужно его женить, строит ему кенос.

В кеносе семья проводит большую часть года; повидимому, кенос служил раньше постоянным жильем. В кеносе полной и единственной хозяйкой являлась женщина, что, повидимому, представляет пережитки когда-то существовавшего материнского рода.

А. Збруева

В Академии Наук СССР

Дискуссия об эгейской культуре

(Обсуждение главы для III тома «Всемирной истории»).

В течение двух дней, 27 и 28 марта, на совещании при Отделении истории и филологии Академии наук СССР под председательством академиков Деборина и Грекова происходила оживленная дискуссия по вопросу об эгейской, или крито-микенской, культуре, в связи с обсуждением представленной проф. В.С. Сергеевым главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории».

В диспуте принял участие целый ряд специалистов Москвы и Ленинграда, кроме того дискуссия вызвала большой интерес среди молодых научных работников высших учебных заведений и музеев Москвы, в том числе аспирантов исторического факультета Московского университета и педвузов, в значительном числе присутствовавших на заседании.

Несмотря на ожесточенные споры, дискуссия прошла, как отметил в заключительном слове академик Греков, на высоком теоретическом уровне.

¹ А. П и н т, К истории удмуртского жилища. «Уч. зап. н.-и. Ин-та народов Востока при ЦИК СССР», вып. II. «На удмуртские темы».

позднейшими авторами римской эпохи. Сведения об Индии мы находим в трудах двоякого рода: в описаниях походов Александра, его жизни и личности и в работах более специального характера. Современники и участники похода оставили ряд сочинений. Для формирования последующей традиции об Индии особенное значение имели произведения Неарха, Онесикрита, Аристобула, Птолемея, Клитарха. В произведениях Онесикрита и Клитарха, как и в ряде других работ, давалась риторическая обработка исторического материала, который использовался в политических и морально-дидактических целях. Отсюда—преувеличения, риторические прикрасы, прямой вымысел, стремление усилить эмоциональное впечатление читателя, поразить его воображение картинами необычайных приключений, экзотической природы, поразительных подвигов.

О н е с и к р и т, сын Филиска, учителя Александра, из города Астипалеи, участвовал в походах Александра и был назначен во время экспедиции по Инду командиром царского корабля. Он был литературно и философски образованный человек и имел опыт в морском деле. Его сочинение¹ о воспитании Александра (πὸς Ἀλέξανδρον ἡχθῆν) по замыслу напоминает «Киропедию» Ксенофонта и многие произведения современников Онесикрита (Марсия из Пеллы, Лисимаха и др.): вопросы воспитания очень занимали их. Сочинение его было проникнуто философским мировоззрением автора: он был сторонником учения киников. Александр осуществил философский идеал, который, с другой стороны, в изложении Онесикрита, проникал учение и жизнь индийских мудрецов. Главное внимание уделялось личности завоевателя. Книга Онесикрита—занимательный и поучительный роман, полный рассказов о диковинных приключениях в удивительных странах. Конечно, как повествование участника похода труд Онесикрита представлял бы известный интерес, если бы он сохранился, но едва ли он мог дать много достоверных исторических сведений.

Фантастические мотивы, намеченные уже у Онесикрита, получили дальнейшую разработку у Клитарха, в сочинении которого много внимания было уделено Индии, и других представителей эллинистической риторической историографии. Работа Клитарха приобрела большую популярность и была широко использована Помпеем Трогом, Курцием Руфом и Диодором Сицилийским.

Работы Птолемея и Аристобула носили иной характер. Птолемей—военный человек и в рассказе об Индийском походе сообщает в общем очень ценные факты главным образом военной истории. Аристобул—специалист по строительству в царской главной квартире—дал много лет спустя описание похода, в котором принимал участие. Он использовал кое-где Онесикрита и Клитарха, но очень осторожно, не впадая в особые преувеличения. Его внимание привлекают география страны, ее растительный и животный мир, жизнь населения. Конечно, и Аристобул не является непогрешимым в передаче фактов, и у него имеется определенная тенденция (благоприятная Александру), сказывающаяся на его повествовании. Все же труд его как историческое произведение стоял много выше произведения Онесикрита.

Автором времени Александра, давшим обширный и ценный материал об Индии, был один из крупнейших деятелей среди сподвижников македонского царя, Неарх. Грек из Амфиополя, он с молодых лет был близок к Александру и во время похода особенно выдвинулся с 331 г. При возвращении из Индии он был поставлен во главе флота, двигавшегося вниз по Инду и совершившего затем дальнейшее плавание к устью Тигра и Евфрата. Утраченное впоследствии описание этого плавания, составленное Неархом, в значительной мере сохранилось в произведениях Арриана и Страбона. Неарх был высоко культурным человеком своего времени, и его работа содержала массу интересных фактов по естественнонаучному и культурно-историческому описанию Индии. Экспедиция Неарха кроме военной задачи преследовала широкие научно-исследовательские цели. Помимо Неарха, специальные работы об Индии написали некоторые другие современники Александра: Андросфен с острова Фасоса, Харес из Митилены. Эти работы не сохранились.

¹ Фрагменты историков Александра см. у Jacoby, F. Gr. Hist., II. Teil. Об Онесикрите см. также Berve, Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage, II.